

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.9>

Манаков Павел Владимирович

ДИНАМИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛА П. Д. ЦИЦИАНОВА В КАБАРДЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ И ПРОТИВОРЕЧИЙ В РОССИЙСКО-КАБАРДИНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ КОНЦА XVIII - НАЧАЛА XIX В.

В статье анализируются особенности взаимоотношений российских властей и кабардинской знати в период командования на Кавказе генерала П. Д. Цицианова (1802-1806 гг.) в контексте противоречий между субъектами взаимодействия, которые складывались на протяжении второй половины XVIII в. и определялись как внешнеполитическими, так и региональными факторами и обстоятельствами. Дается характеристика шариатского движения в Кабарде и анализируется степень перспективности введения элементов российского государственного управления горцами. Исследуются подходы П. Д. Цицианова к разрешению проблемы стабилизации обстановки в Кабарде в имевшей место динамике.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2018/4/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(90) С. 45-48. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2018/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

12. **Посошков И. Т.** Книга о скудности и богатстве. М., 1951. 410 с.
13. **Российский государственный архив древних актов** (РГАДА). Разрядный приказ. Дела разрядные.
14. **Российский государственный военно-исторический архив** (РГВИА). Ф. ВУА. Оп. 1. Св. 126.
15. **Arganson De.** Mémoires / ed. Lanet: en 4 v. P., 1755. V. IV. 768 p.
16. **Babeau A.** La vie militaire sous l'ancien régime. Les soldats. P., 1898. 385 p.
17. **Brewer J.** The Sinews of Power: War, Money and the English State 1688-1783. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1990. 298 p.
18. **Childs J.** Armies and warfare in Europe 1648-1789. Manchester: Manchester University Press, 1992. 319 p.
19. **Corvisier A.** Armies and Societies in Europe, 1494-1789. Bloomington – L.: Indiana University Press, 1979. 209 p.
20. **Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen:** in 13 Bd. Wien, 1887. Bd. III. 1140 S.
21. **Golberg C.-P., Hall R.** The army of the Electorate Palatine under Elector Johan Wilhelm 1690-1716. The Pike and Shot Society, 2004. 163 p.
22. **Harris N.** The Return of Cosmopolitan Capital Globalisation, the State and Ware. I. B. Taurus & Co., Ltd., 2003. 235 p.
23. <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 19.03.2018).
24. **Letters and dispatches of John Churchill, First Duke of Marlborough:** in 5 vol. / ed. by G. Murray. L., 1845. Vol. 2. 728 p.
25. **Letters and dispatches of John Churchill, First Duke of Marlborough:** in 5 vol. / ed. by G. Murray. L., 1845. Vol. 4. 730 p.
26. **Letters and dispatches of John Churchill, First Duke of Marlborough:** in 5 vol. / ed. by G. Murray. L., 1845. Vol. 5. 776 p.
27. **Mention L.** L'Armée de l'ancien régime. P., 1900. 332 p.
28. **Scouller R. E.** The armies of Queen Anne. Oxford: Clarendon Press, 1966. 420 p.
29. **Sparre.** Code militaire ou compilation des reglemens et ordonances de Louis XIV: en 10 v. P., 1707. V. 8. 220 p.
30. **The Chronicles of an Old Campaigner M. De La Colonie 1692-1717.** L., 1904. 523 p.

DESERTION IN THE EUROPEAN ARMIES IN THE AGE OF LOUIS XIV AND PETER THE GREAT

Kutishchev Aleksandr Vasil'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg
kutishhev@yandex.ru

The article studies the inner world of the professional armies of the XVII-XVIII centuries. The focus is on desertion as inherent "evil", a negative feature of the army corporate community. At the same time, it is viewed as a part of the cultural and civilizational continuum, which reflects class morality and national mentality, spiritual priorities and behavioral stereotypes, folk traditions and customs. Through the phenomenon of desertion, the author compares the cultural and mental imagery of the Russian world and the European society in the period of late feudalism.

Key words and phrases: armies of late feudal Europe; the Russian army; desertion; reasons for desertion; ordinances of Louis XIV; decrees of Peter the Great; cultural phenomenon of desertion; civilization origins of desertion; factors of desertion.

УДК 94(470.62/67)

Дата поступления рукописи: 25.03.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.9>

В статье анализируются особенности взаимоотношений российских властей и кабардинской знати в период командования на Кавказе генерала П. Д. Цицианова (1802-1806 гг.) в контексте противоречий между субъектами взаимодействия, которые складывались на протяжении второй половины XVIII в. и определялись как внешнеполитическими, так и региональными факторами и обстоятельствами. Дается характеристика шариатского движения в Кабарде и анализируется степень перспективности введения элементов российского государственного управления горцами. Исследуются подходы П. Д. Цицианова к разрешению проблемы стабилизации обстановки в Кабарде в имевшей место динамике.

Ключевые слова и фразы: российско-горское взаимодействие; исламизация горцев; шариатское движение; социокультурные традиции; подданнические присяги; набеговая экспансия; интегрирование горцев в российскую государственную систему; российский Северный Кавказ; П. Д. Цицианов.

Манаков Павел Владимирович

Армавирский государственный педагогический университет
pv-manakov@mail.ru

ДИНАМИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛА П. Д. ЦИЦИАНОВА В КАБАРДЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ И ПРОТИВОРЕЧИЙ В РОССИЙСКО-КАБАРДИНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX В.

В современном отечественном кавказоведении по-прежнему остается дискуссионной проблематика включения северокавказских народов в состав Российского государства, этапов, методов, достижений и противоречий данного длительного и многофакторного процесса. В настоящее время, по прошествии начавшегося на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. периода довольно откровенной, политизированной демонизации значительной частью региональных историков политики России на Кавказе, совпавшего с развалом Советского Союза и опасными центробежными тенденциями в северокавказских субъектах Российской Федерации, в ряде исследований

все же сохраняются преимущественно негативные оценки деятельности российских властей на Северном Кавказе в широком хронологическом диапазоне.

Подобная ситуация объясняется и выборочной опорой на советское историографическое наследие, и новыми, «постсоветского происхождения» историко-публицистическими штампами, наподобие безосновательного утверждения о геноциде адыгов со стороны России в ходе Кавказской войны. При этом антироссийские выступления и движения горцев трактуются весьма комплиментарно, что предполагает представление именно и только российской стороны в качестве ответственной за всякое обострение региональной обстановки.

В приведенном контексте деятельность представителей российского командования на Северном Кавказе в период процесса его включения в состав России видится чрезвычайно актуальной для беспристрастного исследования. В плане оценки характера, методов и перспектив имперской политики в регионе в начале XIX в. актуальным и важным видится анализ соответствующих мероприятий генерала П. Д. Цицианова, бывшего командующим на Кавказе в 1802-1806 гг., в то время, когда ранее проводившаяся политика «ласканий» горцев начинала исчерпывать свой потенциал в новых внешнеполитических и региональных реалиях.

Нередко «силовые» действия П. Д. Цицианова против горцев имели немалую внешнеполитическую обусловленность в связи с надвигавшейся, а затем и начавшейся войны с Ираном, а также последовательным осложнением османо-российских отношений [4, с. 252-253]. Однако присутствовали и сугубо региональные долговременные факторы и конкретные обстоятельства, их предопределявшие. Среди них – и набеги горцев на укрепления и коммуникации Кавказской линии (в прямое нарушение условий принимаемых в адрес России подданных присяг), и завершение процесса исламизации ряда горских народов Центрального и Северо-Восточного Кавказа при условии отсутствия лояльного к России мусульманского духовенства. Все это происходило на фоне стремления российских властей придать подданству горцев конкретное содержание, возможное при учете уровня их социокультурного развития, насколько последний был понимаем русской стороной [3, с. 56-88].

Наряду с очагами конфликтности в российско-горском взаимодействии, проявившимися собственно в период командования на Кавказе П. Д. Цицианова, присутствовали и те, которые имели затяжной характер. К ним следует отнести ситуацию в кабардино-российских взаимоотношениях, черты которой стали определяться, начиная с возведения в 1763 г. крепости Моздок, и «заостряться» в контексте фактического непризнания кабардинской знатью закрепленного Кючук-Кайнарджийским договором 1774 г. российского суверенитета над Кабардой, нападений кабардинцев в 1779 г. на укрепления Азово-Моздокской линии и стремления кабардинских князей к доминированию на Центральном Кавказе в ущерб интересам России [5, с. 65-66].

Между тем относительно определенный статус Кабарды (оговорка здесь обуславливается незавершенностью российско-османского противоборства за Кавказ) и высокая, по местным меркам, стратифицированность кабардинского общества дали основание российским властям апробировать именно здесь введение элементов имперского судопроизводства. В 1793 г. были учреждены родовые суды и расправы, практически сразу вызвавшие сначала стихийное, затем – все более организованное вооруженное сопротивление кабардинской знати. К 1799 г. оно оформилось в шариатское движение, направленное на ликвидацию российских судебных установлений и введение «духовного» (шариатского) суда.

Именно с этим шариатским движением, объективно направленным на масштабный подрыв российских позиций в регионе [4, с. 231-233], и столкнулся П. Д. Цицианов в должности командующего на Кавказе. Следует отметить, что предшествующие попытки его подавления и обеспечения эффективной работы родовых судов и расправ оказывались неудачными. Особенности ситуации состояли и в том, что в царствование Павла I (1796-1801 гг.) и в первые годы правления Александра I присутствовали попытки высших российских властей ввести среди горских подданных элементы гражданского управления, что во многом не соответствовало специфике «стадиального уровня» и мировоззрения горцев и порождало сложности во взаимодействии региональных российских военных и гражданских «управленцев» [3, с. 86-87].

Очередное обострение отношений кабардинской знати с российскими властями произошло в 1803 г., когда по приказу П. Д. Цицианова было построено Кисловодское укрепление. Оно препятствовало связям Кабарды с Закубаньем (левобережьем Кубани), формально подвластным Турции [7, с. 42], что было воспринято кабардинцами как покушение на их свободу. Именно тогда российский командующий направил к почетным князьям, узденям и эфендиям Большой и Малой Кабарды угрожающее послание, в котором обещал «непослушникам» перспективу «штыков, ядер и пролития вашей крови реками» [1, с. 954]. Отметим, что подобная тональность обращений к выступавшим против российских властей кавказским «владельцам» была, в ряде случаев, характерна для П. Д. Цицианова, решившего вести себя соответственно представлениям местной знати [6, с. 69].

В 1804 г. в мятежную Кабарду были направлены войска под командованием начальствующего на Кавказской линии генерала Г. И. Глазенапа, которому, несмотря на жесткость действий и победные, оптимистические реляции, не удалось надолго подавить сопротивление. В связи с этим в начале 1805 г. в Кабарду была совершена очередная военная экспедиция [2, с. 24-25], и вновь – без решающего успеха.

Установление контроля над Кабардой было важно для российского командования не только в контексте апробации в регионе элементов имперского судопроизводства и «стратегического» расположения самой Кабарды на Кавказе, но и в свете необходимости отражения вызовов со стороны Ирана и Османской империи, имевших обширные «виды» на Северный Кавказ вообще и на антироссийское движение в среде кабардинцев конкретно [1, с. 804-805, 807, 822; 10, д. 6164, ч. 59, л. 9-10]. В то же самое время российские власти не без оснований считали, что кабардинцы являются первенствующим народом среди других горских народов региона, рассчитывая, что «если бы из сих племен первенствующие были в наших видах, то влиянием своим и силою могли бы много иметь действия на усмирение других» [1, с. 957].

Такой взгляд существовал, несмотря на многочисленные «беспокойства», доставляемые кабардинской знатью российскому командованию на протяжении уже четырех десятилетий, начиная со времени строительства в 1763 г. Моздокской крепости. Представляется, что его наличие определялось не только высоким положением кабардинцев в местной этносоциальной иерархии, но и меньшей пригодностью других народов Центрального и Северо-Восточного Кавказа для стратегических «видов» российской стороны. Главной проблемой здесь было то, насколько кабардинская знать желала соответствовать российскому видению перспектив развития этнополитической ситуации в регионе. Ведь внешнеполитические и региональные обстоятельства конца XVIII в. объективно не способствовали ранее существовавшей у кабардинцев мотивированности в российской защите, в силу ликвидации в 1783 г. Крымского ханства и ослабления военно-политических позиций Турции на Кавказе. Напротив, у кабардинской социальной элиты созрели те сценарии развития местной обстановки, при которых российская власть оказывалась лишней и ненужной [5, с. 78-79].

Естественно, что приведенные суждения и оценки не могли присутствовать в «аналитическом арсенале» П. Д. Цицианова, несмотря на признаваемые современными исследователями его попытки вникнуть в кавказские реалии и причины российско-горской конфликтности [9, с. 330-332]. Однако весьма сомнительная успешность проведенных в Кабарде военных акций во многом предопределяла со стороны российского командующего поиск если и не сугубо мирных (региональный контекст не предоставлял подобных возможностей), то «комбинированных» методов стабилизации обстановки в ней. Тем более что в адресованном П. Д. Цицианову Высочайшем рескрипте от 31 июля 1804 г. вопрос о целесообразности сохранения родовых судов и расправ, то есть элементов российского судопроизводства, позиционировался как открытый [11, с. 17], что допускало вариативность действий русских региональных властей.

Одно из средств к прекращению «неспокойствий» в Кабарде П. Д. Цицианов видел в совершенствовании российского управления, которого, заметим, в сколь-нибудь классическом понимании в начале XIX в. там не было. Необходимо учесть, что действия назначенных от Коллегии иностранных дел приставов не встречали понимания со стороны кабардинцев и одновременно встречали порицание со стороны П. Д. Цицианова [1, с. 952]. В данных обстоятельствах российский командующий отказывается от «приставства» в Кабарде и 29 января 1805 г. назначает «начальником над обоими Кабардами» И. П. Дельпоццо, бывшего до того отставным полковником и практически сразу получившего звание генерал-майора. Нюансы подходов И. П. Дельпоццо и П. Д. Цицианова к достижению стабилизации ситуации в Кабарде в некоторых случаях различались [7, с. 47-48], однако именно вновь назначенный начальник над «Кабардами» получил от российского командующего на Кавказе те рекомендации, которые, по мнению последнего, должны были способствовать «умиротворению» Кабарды.

В них, в частности, предлагалось переменить воспитание кабардинцев, вводить в Кабарду роскошь и действовать на сближение Кабарды с российскими нравами, «покровительствуя наружно их веру и умножая случаи их сообщения с россиянами» [1, с. 959]. Сразу обращает на себя внимание, что данные рекомендации были практически невозможны для быстрого воплощения и являлись скорее долгосрочной программой преобразования жизни кабардинцев, довольно объективно затруднительной в силу того, что кабардинская знать в огромном своем большинстве не желала нарушения своих социокультурных традиций.

Цициановские рекомендации были получены И. П. Дельпоццо в то время, когда российские действия в охваченной шариатским движением против введения элементов имперского судопроизводства (родовых судов и расправ) Кабарде варьировались от военных акций до переговорного процесса. В последний был непосредственно вовлечен «начальник над Кабардами», а в известной мере – и сам П. Д. Цицианов, неоднократно направлявший послания кабардинской знати с изложением российского видения перспектив местного урегулирования [Там же, с. 960, 965]. Показательно, что, несмотря на делаемые российскими властями уступки кабардинцам, их вооруженные выступления не прекращались, провоцируя российскую сторону на военные экспедиции [8, с. 88-89].

Кабардинцы считали, как то следует из рапорта И. П. Дельпоццо П. Д. Цицианову от 26 марта 1805 г., что их недоверие к русским властям определялось тем, что «прежние начальники, которым вручалась власть над ними, притесняли их и грабили, а в справедливых просьбах отказывали» [1, с. 962]. Следует заметить, что перекладывание на российскую сторону ответственности за конфликтные ситуации являлось довольно традиционным приемом из арсенала «горской дипломатии». Вместе с тем и неправомерные действия региональных российских властей (в том числе – в части возмещения убытков от набегов) тоже имели место, и П. Д. Цицианов лично стремился вникнуть в возникавшие спорные вопросы, не занимая при их «исследовании» заранее predetermined позиции о виновности горцев [9, с. 330-332].

Однако, в отличие от И. П. Дельпоццо, обещавшего кабардинцам в марте 1805 г. что «всякие их справедливые требования удовлетворяемы будут в точности и отнюдь ни от кого обижаемы и притесняемы не будут» [1, с. 961], российский командующий связывал возможность тех или иных уступок, им делаемых, не с какой-то «автоматической реакцией» на «всякие их справедливые требования», а с прекращением их «ветренности» (то есть вооруженных антироссийских выступлений) и с реализацией собственной милости и доброй воли [7, с. 49-50].

Возвращаясь к «программным» рекомендациям П. Д. Цицианова в отношении «перемены воспитания кабардинцев», следует отметить, что по представлению российского командующего было Высочайше утверждено: 1) чтобы в Георгиевске и Екатеринограде заведены были училища для обучения детей кабардинских владельцев и узденей, каковые воспитанники после перемещены были бы из училищ в кадетские корпуса; 2) чтобы учредить беспопышный впуск в те места, куда за нужное признано будет, кабардинских

домашних произведений и изделий, особенно в торговые дни; 3) чтобы в Георгиевске и Константиногорске построить казенным коштом мечети и иметь горцам муллу для отправления их богослужений и, наконец, 4) чтобы сформировать кабардинский гвардейский эскадрон [6, с. 80]. Комментируя данные положения, следует отметить, что функционирование училищ в Георгиевске и Екатеринограде зависело от желания кабардинской знати отдавать в них своих детей.

Важно отметить и другое – наметилась работа по формированию на Северном Кавказе лояльного по отношению к России мусульманского духовенства, которого на тот момент практически не было. Весьма показательно, что привлечение на свою сторону авторитетных представителей кабардинского духовенства предполагалось посредством обещания им ежегодных тайных «пенсий» [Там же, с. 81]. Заметим, что и вариант предоставления последних не гарантировал успех задуманного, так как сам П. Д. Цицианов признавал, что кабардинцы, получающие от русских пенсии и вообще проявлявшие пророссийскую ориентацию, «много теряют уважение своих собратий» [1, с. 981]. Конечно, тайный характер соответствующих выплат представителям кабардинского духовенства можно было попытаться сокрыть, но переход их на пророссийские позиции не остался бы незамеченным их «собратиями» в плане перспективы потери авторитета и уважения. Тем более что продолжавшееся в Кабарде шариатское движение объективно препятствовало «сближению Кабарды с российскими нравами» [4, с. 273].

Что же касается предложения кабардинским князьям службы в рядах Кабардинского гвардейского эскадрона, то, по мнению П. Д. Цицианова, служба эта «произведет в них вкус к лучшей жизни, познают роскошь столицы... и сиим средством сближаются они с благонаравием и предпочтут спокойную жизнь жизни хищников и разбойников» [1, с. 953]. Идея создания Кабардинского гвардейского эскадрона понравилась Александру I [9, с. 329-330]. Однако ее воплощение упиралось и в продолжавшееся шариатское движение. Показательно, что к проекту создания Кабардинского гвардейского эскадрона высшие российские власти возвратились уже в начале 1812 г., и вновь целый комплекс причин помешал его реализации. В конечном итоге можно утверждать, что его создание усилило бы «российскую партию» в Кабарде, что не входило в планы кабардинской знати и клерикальных кругов [4, с. 360-361].

Таким образом, можно прийти к заключению, что П. Д. Цицианов перестал делать ставку исключительно на силовые методы стабилизации обстановки в Кабарде и стал искать иные способы и меры по адаптации кабардинцев к российскому управлению и системе ценностей. Однако эти меры объективно были рассчитаны на довольно длительную перспективу и не могли быть реализованы собственно в период командования П. Д. Цицианова на Кавказе.

Список источников

1. **Акты, собранные Кавказской археографической комиссией:** в 12-ти т. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. Т. II. 1238 с.
2. **Бейтуганов С.** Кабарда и Ермолов. Очерки истории. Нальчик: Эльбрус, 1993. 304 с.
3. **Виноградов Б. В.** Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2009. 138 с.
4. **Виноградов Б. В.** Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2005. 384 с.
5. **Виноградов Б. В., Приймак Ю. В.** Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772-1829 гг.). Армавир: АФГОУКИДПО, 2016. 186 с.
6. **Гордин Я. А.** Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. 464 с.
7. **Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С.** Мозаика северокавказской жизни: события и процессы XIX – начала XX веков (исторические очерки). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2012. 330 с.
8. **Кудашев В.** Исторические сведения о кабардинском народе. К.: Типо-Литография «С. В. Шульженко», 1913. 283 с.
9. **Лапин В. В.** Цицианов. М.: Молодая гвардия, 2011. 542 с.
10. **Российский государственный военно-исторический архив.** Ф. 846. Военно-ученый архив. Оп. 1.
11. **Туганов Р. У.** Шариатское движение в Кабарде против царизма в 1799-1807 гг. // Живая старина: журнал по проблемам краеведения КБ АССР. 1991. № 1. С. 8-19.

DYNAMICS OF THE GENERAL P. D. TSITSIANOV'S ACTIVITY IN KABARDA IN THE CONTEXT OF TENDENCIES AND CONTRADICTIONS IN RUSSIAN-KABARDIAN RELATIONS OF THE END OF THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

Manakov Pavel Vladimirovich
Armavir State Pedagogical University
pv-manakov@mail.ru

The article analyzes the peculiarities of interrelations between the Russian authorities and the Kabardian aristocracy in the period of the General P. D. Tsitsianov's commandership in Caucasus (1802-1808) in the context of contradictions between the subjects, which developed during the second half of the XVIII century and were determined by both foreign-policy and regional factors and circumstances. The author characterizes the Sharia movement in Kabarda and considers the reasonability of introducing the elements of the Russian state system to the Caucasian people. The paper examines the dynamics of P. D. Tsitsianov's approaches to the problem of stabilizing the situation in Kabarda.

Key words and phrases: Russian-Caucasian interaction; Islamization of the Caucasian people; Sharia movement; sociocultural traditions; oaths of citizenship; foray expansion; integration of the Caucasian people into the Russian state system; Russian North Caucasus; P. D. Tsitsianov.